

Валерия Анатольевна Салтанова родилась в Пятигорске. Окончила Литературный институт им. Горького. Поэт, публицист, переводчик, литературный критик. Автор девяти поэтических книг. В настоящее время – ответственный секретарь и заведомом литературной критики в сетевом литературном альманахе «Гражданинъ». Дипломант V Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Живет в Ростове-на-Дону.

Валентина Салтанова

«МНЕ РУССКОЕ — ВСЕГО БОЛЬШЕЙ...»

«ПОКА ЖИВЕШЬ, ЛЮБИ ЗЕМНОЕ...»

Стихотворения Валерии Салтановой внимательному читателю кажутся противоречивыми. Однако если взглянуть на свод ее лирики разных лет, высвечивается движение ума и сердца, ставшее для русского человека последних десятилетий едва ли не закономерностью. От самых разных искушений — интересом ко всему общечеловеческому, собственным творческим призванием, литературой, музыкой и образностью поэтической речи — молодая душа в те годы постепенно отходит и стремится как-то определить себя, найти личное место в общественном и культурном устройстве российского мира, отсеять лишнее и бережно взять в ладони необходимое и родное. Принято называть это взросление «дорогой к себе» — такая формула есть в строках Салтановой.

В сочетании с феерией вчерашних лирических суждений нынешний голос автора кажется лаконичным и строгим, однако теперь в подобных свойствах можно увидеть черты внутренне определившейся личности, тогда как раньше перед нами представляли картинки яркой женской индивидуальности, в чем-то оглядывающейся на судьбу и поэтический слог М. Цветаевой.

Сопрягая внутренний мир поэта с окружающей средой — общественной, социальной, этической, видимо предметной, городской и пейзажной, вдруг видишь, что вчера автор не чис-

лил себя в роли частицы внешнего распорядка и чуть ли не бытия. Напротив, здесь было отчетливое противостояние внутреннего «Я» — необходимости переустроить себя в соответствии с обыкновениями времени. Обыкновениями часто лукавыми, порой лживыми, когда-то откровенно враждебными, но почти всегда — лишенными последней искренности. Душа сопротивлялась такой трансформации, но во многих случаях не очень-то вникала в подробности навязываемых идеологем, еще не понимая, что всякая роль, действие и позиция поверяются личностью.

В прежних стихах Валерии Салтановой не найти такого страстного и жертвенного отношения к родине, которое теперь оказывается во многих случаях опознавательным знаком ее лирики, что подтверждается всем сюжетом соответствующего стихотворения и авторским касанием драматичных лет уже прожитой ею жизни. «Мне русское — всего больней», — скажет она однажды в сюжете о тяжелом и трудном нынешнем существовании, однако сделает это легко и как бы невзначай. Та раскованность слога, что отличает ее ранние вещи, яркий словарь, проницательность строки, всегда знающая меру, не ушли с течением лет, но стали более осознанными и «ответственными», поэт ценит их как важные лирические инструменты, которыми владеет раскрепощенно и умело.

Биографические вехи очень условно присутствуют в ее исповедальной лирике, где нет осознанности событий и поступков и обозначены только смысл и психология произошедшего. Два десятилетия тому назад этот ракурс появлялся эпизодически, но уже тогда можно было говорить о некоей дистанции, которая разделяет автора и его читателя, потаенный личный мир — и внешний оком реальности.

«Что за беда — мужики окрест
Хмурые, как сычи!» —
Многоголосный канон невест
В сердце моем звучит.

«Как же, бедняга, он с ней живет?
Рвется с цепи уже!» —
Это разлучница сети вьет,
Сладко поет в душе.

«Ломаный грош “кобелям” цена,
Им никого не жаль!» —
Это во мне говорит жена,
Это ее печаль.

«Если я даже была права,
Пусть бы он жил такой!» —
Это терзает меня вдова
Страшной своей тоской.

Всех четверых мне знакома грусть,
Всех нахожу в себе...
Господи, не покорюсь — поклонюсь
Женской своей судьбе.

Здесь нет наглядных деталей, но сказано самое главное, из-за чего и стоило начинать речь: обобщающе-бытийное.

Поэзия Валерии Салтановой не использует распространенные образные тропы. Она строит художественное высказывание на риторике и точном соединении косвенно присутствующей действительности — и символов-знаков из духовной, литературной, музыкальной, исторической среды, с взаимным соотношением малого и большого. Здесь почти не найти жанровых сюжетных историй, изображается все, что происходит вокруг и внутри души, — пунктирно или по касательной. Так, что небольшого штриха хватает для опознания наглядного события или поступка.

В поздней лирике Салтановой видна склонность к библейской отчетливости вещей, лиц и характеров, иной раз — к осознанной лапидарности речи. Но это всегда происходит на фоне явного авторского стремления не к «стихотворному разговору», а к поэтической «вымолвленности». В годы художественного становления в одном из ее стихотворений в условно-житейском высказывании примечательна финальная строка: «Теперь еще осилить бы простое...».

Было трудно предвидеть, что впоследствии творческий выбор автора будет склоняться именно к «простому» как к бытийной категории мироустройства и судьбы человека. Категории в понятийном отношении высшей, а в литературном исполнении — наисложнейшей.

В свode стихотворений Валерии Салтановой определено читается мысль: отдавая должное непостижимой подкладке нашей жизни и тому пространству, в которое нас поместила судьба, стоит все-таки жалеть и любить многое мимолетное и недолговечное. Уже потому, что оно беззащитно и неповторимо: «Но пока живешь, люби земное — / Пожалей, утешь и приглубь».

Вячеслав ЛЮТЫЙ

* * *

Ну вот и совершили сто ошибок,
Как будто оплатили жизнь до рая.
И прочен дом, и быт уже не зыбок,
И любим, во влюбленность не играя.
На сотню мин наткнулось наше судно:
Залатанное — стало как литое...
Ну вот и пережили все, что трудно.
Теперь еще осилить бы простое.

* * *

Я у тебя не спрашиваю, Родина,
Кто виноват и как же ты смогла...
Ты для меня и красная смородина,
И белый пух, и черная смола.

Пространство над тобой как будто мечено —
Я на земле другого не ищу.
Здесь каждое лицо увековечено,
И мне любая ноша по плечу.

И этих звезд, что видятся по-разному
И светят нам из самых разных лет,
Я не открою любопытству праздному
И не позволю улюлюкать вслед.

Зачем же ты наполовину роздана,
Кому ты отдавалась, не любя, —
Не у тебя я спрашиваю, Родина, —
А у людей. У Бога. У себя.

Жизнь выдает по чайной ложке...
 Хоть как душою ни криви,
 Не чешутся давно ладошки
 К деньгам, знакомству и любви.

Прогноз, увы, совсем не розов.
 Твердят врачи — все как один:
 Наш век — рассадник для неврозов!
 Зашкаливает русский сплин...

«Сплин, — скажут мне, — не только русский,
 Всем плохо в передрыгах дней!»
 Но я специалист-то узкий,
 Мне русское — всего больней.

ЯНВАРЬ В ЯРОСЛАВЛЕ

Ветер, будто плут заправский,
 Прошмыгнет, колоч и сух.
 Здравствуй, дворик ярославский,
 Здравствуй, снежный русский дух!

От угла до гастронома
 Так легко шагать одной,
 Словно я взаправду дома —
 Даже воздух здесь родной!

Облака батон раскрошат —
 Сыпь на землю, не жалеи!
 Станет Волковская площадь
 Чище, краше и светлей.

Купола — и звоны, звоны...
 Оберегом — древний лес.
 И, как снег, летит на кроны
 Свет намоленных небес.

ОТДОХНОВЕНИЕ

Есть такие места — их не много, —
 Заповедные духом места,
 Где слышнее дыхание Бога
 И слабей маета.

Где авто, как консервные банки,
 Не грохочут в молитвенный час

И деревьев живые подранки
Не маячат вдоль трасс...

Нет там злобы, и спеси, и лени...
Попадешь — и забудешь, как шел,
И уткнешься в земные колени,
Как малец — в материнский подол...

* * *

Андрею Попову

Междустрочье-междуречье,
Север, сивер, санный путь...
Льется слово человечье
Оловом горячим в грудь.

Как стрела из арбалета,
Выпущен птенец мечты.
Мы с тобою — два поэта
Стылой, гиблой Воркуты.

Два поэта, два завета,
Два невольника-раба...
Будет горе. Будет лето.
Жизнь. Поэзия. Судьба.

Слово сбито. Век украден.
Разворован Русский мир...
Сдюжим, сможем, стерпим, сладим —
Силой дара, высью лир.

Вешний лед, обманный, ломкий,
Смертный омут, край земли
Мы по лезвию, по кромке,
Босоногие, прошли.

* * *

Постепенно идя от глухих, безглагольных основ,
Приближаюсь к вибрирующей заповеданной сути.
Не слова созревают во мне — это я созреваю для слов,
Открывая себя же в себе в каждой новой минуте.

Только б в сердце любовь не померкла, и только бы Русь
Удержалась над бездной с подачи Господней рассрочки!..
Не стихи равнозначащи мне — это я, может быть, дотянусь
В час бессрочный до самой своей искупляющей строчки...

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОРКУТЕ

Зима, но мы не чуем риска.
Смеясь залиvisto-легко,
Идем с подружкой из «Норильска»,
Несем в бидонах молоко.

Наш город очень нестоличен,
Ему идет наш звонкий смех.
Мороз за тридцать нам привычен
И люб многоэтажный снег.

Шаг замедляем: дом все ближе,
Мороз упорней, ветер злей...
А мы мороженое лижем,
И нам становится теплей.

Ах, как смеемся мы беспечно
Назло и стуже, и пурге!
А жизнь сладка и бесконечна,
Как эскимо в цветной фольге.

* * *

Что-то случается: раз! — и кончается грусть.
Кто-то приходит и мягко берет за плечо.
Эту мелодию счастья напеть не берусь,
Просто становится вдруг горячо-горячо.

Просто откуда-то вмиг набегаёт волна,
Просто опять возвращаются все чудеса,
Просто так явственно чувствуешь: ты не одна —
Ветром попутным подуло в твои паруса.

Что это, Господи? Кто это правит судьбой,
Снова сплетая явленья в единую вязь?
Миг озаренья — и вот ты летишь над собой,
Смерти, разлуки, забвенья уже не боясь.

ПОЭТУ ИЗ ГЛУБИНКИ РОССИИ

Он тяжелый в общенье и в жизни отведал такого,
Отчего от людей перебрался подальше в леса...
Только образов бусинки ниже и пестует слово,
Только пьет из ручья и приветствует птиц голоса.

Он не ищет друзей, и ему ни к чему перекличка
В соцсетях по ранжиру, и табель о рангах смешон.
Только на руку сядет доверчиво утром синичка,
И рассвета запрыгнут лучи, щекоча, в капюшон.

Что поделаешь, если все резче —
до слез достоверно! —
Между каменным лесом и миром природы контраст.
Может, он чересчур нелюдим,
может, замкнут чрезмерно,
Но зато никогда не растопчет мечту, не предаст.

Хрустнет ветка — а он повторит, пропоет и запишет
Каждый шорох и отзвук носящихся в воздухе нот...
Потому-то легко переводит, как слышит и дышит,
Со звериного на человеческий — и наоборот.

Не привык фестивалить —
привык к немудрящему делу,
Вот и премий не густо, и славой не обременен...
А стихи золотые, а строчек крылатые стрелы
Пусть хранятся в колчане бессмертья
до лучших времен...

ТУМАН

Такой туман, такая дымка
Спустились вдруг со всех сторон,
Как будто шапка-невидимка
С утра накрыла весь район.

И держит цепко всю округу
Туманной сырости конвой,
Мир спрятав будто бы во व्यюгу
До видимости нулевой.

И ни углов, ни острых линий,
Вся жизнь до срока замерла...
Лишь взгляд Вселенной серо-синий —
Из-под Господнего крыла.

ЗНАКИ

Я люблю бесчисленные знаки
Проявлений горних, тонких сфер.
Мне головками кивают маки,
Мне поет роса на свой манер.

Мне нашептывает что-то ветер,
Всех ладов касается подряд —
Тоже хочет, чтоб его заметил
Мой расфокусированный взгляд.

И глядит кора осиротело,
Как сбегают наземь мураши...

Ты жилье лишь временное, тело,
Для бессмертной странницы-души.

И ромашка вовсе не ромашка,
А сестра родная дальних звезд
И для глаз веселая отмашка:
Мир, что виден нам, — лишь в вечность мост!

Отыщи всему вторые планы,
Тайны и намеки расшифруй
Через бестелесные туманы,
Меж воздушных и астральных струй!

Хоть шумит веками Ниагара,
Все же забывать нельзя ни дня:
Временное вечному не пара,
Ибо дух и тело — не родня!

Вещное — основа пережня,
Явное таит иную глубь...
Но пока живешь, люби земное —
Пожалей, утешь и приголубь.